

Павел Кондратьев

Девочка и Король Безмолвия

Павел Кондратьев

Девочка и Король Безмолвия

«Автор»

2026

Кондратьев П. В.

Девочка и Король Безмолвия / П. В. Кондратьев — «Автор»,
2026

Если в полночь сыграть ноту, которой нет в партитуре, театр откроет двери. Но обратно уже не выпустит. Одиннадцатилетняя Мира слышит в музыке то, чего не замечают взрослые. Накануне открытия старого театра она находит запрещённую партитуру и исполняет пропавшую ноту. После тринадцатого удара часов сцена превращается в бесконечный город, где каждому предлагают идеальную роль, а тех, кто слишком долго произносит чужие реплики, превращают в кукол. Родители Миры становятся Королём Механики и Королевой Праздника, её друг Федя получает безупречный голос, а загадочный Директор Тишины обещает девочке семью, которая всегда будет её слушать. Цена исполнения желания — один добровольный поклон перед финалом. Чтобы вернуться домой, Мира должна разрушить спектакль, исполняющий самые сокровенные мечты. Но сможет ли она отказаться от того, чего желала больше всего?

© Кондратьев П. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Увертюра снегопада	6
Глава вторая. Место в зале	8
Глава третья. Мальчик со звуками	10
Глава четвёртая. Театр в театре	12
Глава пятая. Закрытые двери	14
Глава шестая. Тринадцатая нота	16
Глава седьмая. Город за кулисами	18
Глава восьмая. Директор выходит к рампе	20
Глава девятая. Фонарщик Клин	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Павел Кондратьев

Девочка и Король Безмолвия

ПАВЕЛ КОНДРАТЬЕВ

ТРИНАДЦАТЫЙ

СПЕКТАКЛЬ

— ◆ —

Зимняя сказка

Семейное тёмное фэнтези · 12+

Часть первая. Первый звонок

— ◆ —

Глава первая. Увертюра снегопада

Снег начался во время второй скрипки.

Мира заметила это раньше музыкантов. За высокими окнами репетиционного зала первая снежинка пролетела мимо фонаря, потом вторая, затем целый оркестр белых точек подхватил беззвучную партию. Снег падал не вниз, а по диагонали, словно ветер перелистывал город.

Внутри театра было жарко. Пахло пылью, разогретыми проводами и свежей краской. Рабочие таскали декорации, костюмеры перекрикивались из-за вешалок, а на сцене дирижёр в третий раз останавливал вступление.

— Вторая скрипка, вы спешите.

— Я не спешу.

— Тогда время от вас отстаёт.

Музыканты засмеялись. Дирижёр не улыбнулся и поднял палочку.

Мира сидела в пятом ряду пустого зала, обхватив колени руками. В «Северной звезде» ещё не было публики, но кресла уже ждали её: восемьсот красных спинок уходили вверх, в темноту балконов. На каждом сиденье лежал серый чехол. Издали казалось, будто театр заполнили люди без голов.

Пятый ряд был её местом. С него сцена казалась достаточно близкой, чтобы замечать выражения лиц, и достаточно далёкой, чтобы видеть всю картину. Здесь Мира делала уроки, ела яблоки и однажды проспала три действия репетиции, проснувшись от пушечного выстрела. Театр был для неё вторым домом — только дома стены молчали, а здесь всё имело голос. Проектор гудел низко и терпеливо. Подъёмник жаловался перед каждым движением. Старый паркет поскрипывал по-разному под лёгкими и тяжёлыми шагами.

Мира не обладала абсолютным слухом. Учительница музыки однажды объяснила это особенно торжественно, словно вручила справку о неизлечимой болезни. Зато девочка слышала связи. Если в мелодии что-то было не на месте, она чувствовала это прежде, чем могла назвать.

Зазвучало вступление.

Флейта провела лёгкую линию. Ей ответили скрипки. Контрабас осторожно положил под музыку тёмную ступень. Всё было правильно — и всё же в конце восьмого такта Мира услышала пустоту.

Не паузу. Паузу композитор оставляет намеренно, как дверь, которую открывают перед гостем.

Здесь отсутствовала нота.

Мира наклонилась вперёд.

Декорация изображала зимнюю площадь: картонные дома, нарисованные окна, часы на башне. Из-за кулисы виднелась половина луны, которую рабочие ещё не успели поднять.

Музыка дошла до того же места.

Пустота повторилась.

Мира почувствовала её в зубах — тонкий холодный промежуток, как если бы в улыбке не хватало одного зуба.

— Стоп! — крикнула мама со сцены. — Снег раньше времени.

Из колосников уже сыпались бумажные хлопья. Рабочий наверху пытался закрыть заслонку, но снег шёл всё гуще, покрывая площадь, оркестровую яму и плечи дирижёра.

— Это не я! — донеслось сверху.

— А кто?

— Автоматика.

Отец Миры вылез из люка возле рампы. На нём был серый рабочий комбинезон, а за ухом — отвёртка.

- Автоматика отключена.
- Тогда объясни ей, — сказала мама.
- Я инженер, не психолог.
- Сегодня ты всё.

Они разговаривали быстро, не глядя друг на друга. Так люди передают ведро во время пожара.

Мира спустилась к сцене.

— Мам.

Елена Волкова стояла среди танцовщиков, прикалывая серебряную звезду к платью одной из девочек.

- Что, солнышко?
- В музыке пропала нота.
- Не сейчас.
- Она каждый раз пропадает.
- Мира, пожалуйста.

Мама не рассердилась. Было бы легче, если бы рассердилась. Она произнесла слова тем голосом, которым закрывают ящик и обещают разобрать его позже.

Отец подбежал к пульту снеговой машины.

— Лёша, привод не слушается! — крикнули сверху.

— Обесточьте линию.

— Обесточили!

Бумажный снег валил всё сильнее.

Мира поймала хлопок ладонью. На нём тушью была напечатана крошечная фраза:

ПЕРВЫЙ ЗВОНОК.

Чернила растаяли, оставив на коже холодную серую каплю.

Часы на декорационной башне сдвинули стрелки.

До полуночи оставалось семь часов.

Глава вторая. Место в зале

Театр «Северная звезда» закрыли двадцать три года назад.

Сначала протекла крыша. Потом сгорела часть проводки. После этого город много лет решал, что дешевле: восстановить театр или убедить всех, что он не нужен. Победил Алексей Волков. Он нашёл старые чертежи, добился экспертизы механизмов, собрал деньги у города, предпринимателей и людей, которые помнили свои первые спектакли.

Елена придумала постановку для открытия.

Они работали почти два года.

Последние два месяца Мира видела родителей в основном из зрительного зала.

Раньше по субботам они завтракали втроём. Отец жарил блины неправильной формы и называл их картой неизвестного материка. Мама включала музыку и заставляла всех угадывать, к какому фильму она могла бы подойти. Теперь по субботам Мира просыпалась в пустой квартире, находила на холодильнике записку «Каша в микроволновке» и ехала в театр.

Она гордилась родителями. Об этом было неприятнее всего. Если бы они занимались чем-нибудь бессмысленным, можно было бы честно злиться. Но они спасали старое здание, возвращали городу сцену, собирали по кусочкам то, что другие уже списали. Получалось, что обида Миры конкурировала с хорошим делом — и всё время проигрывала.

— Завтра генеральный прогон, — сказала мама, когда бумажный снег наконец остановили. — Послезавтра премьера. Потерпи ещё немножко.

Они сидели в буфете. На столах вместо пирожных лежали катушки кабеля. За стойкой грелся электрический чайник, обмотанный синей изолентой. Отец ел бутерброд одной рукой, другой листал сообщения.

— Я терплю, — сказала Мира.

— Вот и умница.

— Я не говорила, что мне нравится.

Отец оторвался от телефона.

— Что случилось?

— Я хотела показать ноту.

— Какую ноту?

— Которой нет.

— Если её нет, как ты покажешь?

Он улыбнулся, ожидая, что она тоже улыбнётся. Мира не стала.

— В партитуре есть место. Музыка туда приходит и проваливается.

Мама размешивала сахар, хотя чай давно остыл.

— Это современная аранжировка. Там может быть пауза.

— Пауза звучит иначе.

— Ты занималась музыкой полтора года.

— Два.

— Тем более.

Из зала позвали Елену. Она встала, поцеловала Миру в макушку и схватила папку с эскизами.

— Сегодня вечером поговорим. Честно.

— Во сколько?

— После прогона.

— Это во сколько?

— В восемь.

Алексей поднял руку:

— В половине девятого. Я тоже приду.

— Записать? — спросила Мира.

Отец сделал вид, что ищет ручку.

— Запиши в главном журнале: «Волковы обязуются услышать дочь в двадцать тридцать».

Она написала фразу на бумажной салфетке и положила перед ним.

— Подпись.

Алексей расписался.

— Печать нужна?

— Свидетель.

Мама поставила рядом размашистую букву «Е».

В половине девятого Мира сидела в пятом ряду.

Репетиция продолжалась.

В девять мама меняла финал второго действия. В десять отец искал замыкание под поворотным кругом. В десять двадцать Мира сложила салфетку с подписями вчетверо.

На сцене актёры играли семью, которая собиралась за новогодним столом.

Сценическая мать слушала сценическую дочь.

Сценический отец выключал телефон.

Режиссёр остановила сцену.

— Не верю, — сказала Елена. — Вы должны действительно услышать друг друга.

Мира поднялась и вышла.

В коридоре за кулисами было прохладно. Лампы горели через одну. За стеной музыка дошла до восьмого такта и снова потеряла ноту.

На этот раз пустота ответила ей.

Кто-то очень тихо произнёс:

— Я слышу.

Глава третья. Мальчик со звуками

Голос шёл из старой вентиляционной решётки.

Мира присела.

— Кто там?

— Н-не кто. Что.

Решётка отъехала в сторону. За ней показалось круглое лицо в меховой шапке.

— Федя?

— А ты ждала крысу?

— Я никого не ждала.

— Тогда я полностью с-соответствую.

Фёдор Савин выбрался из технического прохода, прижимая к груди маленький рекордер. Его отец дежурил в театре по ночам, поэтому Федя знал места, которых не было на современных планах: лестницу в стене, тоннель под оркестровой ямой и дверь, открывавшуюся только если поднять ручку вверх.

Они учились в параллельных классах и до ремонта театра почти не разговаривали. В школе Федя держался возле стен, будто оставлял другим больше места. Если учитель вызывал его, в классе наступала особенная тишина — не добрая, а жадная: всем было интересно, на каком слове он застрянет. Федя отвечал редко, зато однажды записал смех каждого одноклассника и безошибочно узнавал людей по трём секундам.

Миру он удивлял тем, что никогда не просил говорить за него. Она научилась ждать. Иногда ожидание длилось дольше самой фразы, но после него слово звучало так, будто Федя достал его из очень глубокого места и не собирался отдавать напрасно.

— Что ты там делал?

— Записывал тишину.

— Тишину нельзя записать.

— Все так думают. Поэтому хорошей тишины почти не осталось.

Он надел на Миру наушники.

Сначала она услышала ровный шум. Потом различила далёкие шаги, гудение лампы, скрип каната, дыхание здания. Где-то в глубине постукивала труба. Звук повторялся через каждые тринадцать секунд.

— Театр дышит, — сказала Мира.

— Папа говорит, это отопление.

— Он ошибается.

— Конечно. Но отопление тоже.

Федя переключил запись.

Теперь звучала репетиция. Та самая пустая нота. Только на его записи после неё возникал слабый металлический звон.

Мира сняла наушники.

— Ещё раз.

Они прослушали четыре раза. Звон был похож на стеклянную ложку, которой коснулись края бокала.

— В зале я его не слышала.

— Потому что он не в зале.

— А где?

Федя показал на вентиляцию.

— Под сценой.

Они спустились по служебной лестнице. Внизу пахло сырой штукатуркой и верёвками. Над головами двигались актёры; сквозь доски их шаги звучали огромными.

Федя включал рекордер у каждой стены. У одной звук стал громче.

За старыми декорационными рамами обнаружилась дверь. На ней висела медная табличка:

АРХИВ НЕСОСТОЯВШИХСЯ ПОСТАНОВОК

— Красивое название для кладовки, — сказал Федя.

Замок был открыт.

Внутри стояли предметы из спектаклей, которых никто не видел: крыло дракона, половина корабля, три луны разного размера, трон без сиденья. К стене прислонился нарисованный лес. Деревья на холсте уходили так далеко, что Мира на секунду решила: между ними можно пройти.

На полках лежали маски. Некоторые улыбались, некоторые спали. Одна отвернулась к стене, когда дети вошли.

— Ты видел?

— Что?

Маска снова смотрела вперёд.

В глубине комнаты тикали часы.

Дети пошли медленнее. Здесь не было пыли. Вернее, пыль лежала на полу, сундуках и старых афишах, но ни одна крупинка не касалась узкой дорожки к дальнему столу. По ней недавно кто-то прошёл — или проходил каждую ночь.

Слева висел костюм из серебряных чешуек. Когда Мира приблизилась, чешуйки поднялись, как шерсть испуганного зверя. Справа стоял бутафорский колодец. Из его глубины доносился шум дождя, хотя в здании все трубы молчали.

Там стоял кукольный театр — точная копия «Северной звезды». Фасад умещался на столе, но в крошечных окнах горел настоящий свет.

Перед макетом лежала партитура.

На обложке было написано:

ТРИНАДЦАТЫЙ СПЕКТАКЛЬ

Ниже:

Музыка и механика Ильи Леднёва. 1913 год. Не исполнять.

Глава четвёртая. Театр в театре

— Если написано «не исполнять», значит, исполняли, — сказал Федя.

— Почему?

— Иначе написали бы «не трогать».

— Это совершенно разные вещи.

— Взрослые так не думают.

Мира раскрыла партитуру.

Ноты были выведены коричневыми чернилами. Между строчками автор оставлял указания не только музыкантам, но и сцене:

На третьем такте зажечь город.

На пятом открыть зимнее небо.

После детского голоса остановить время.

Последняя строка первой части обрывалась. Там, где должна была стоять нота, бумага была выскоблена до тонкой прозрачности.

— Вот она.

— Которая не звучит?

— Которую убрали.

Мира приложила партитуру к свету. На просвет проступил след знака.

— Ми-бемоль, — сказала она.

— Уверена?

— Нет.

— Очень профессионально.

Механический театр щёлкнул.

Крошечные двери открылись. Из них вышла фигурка фонарщика в синем сюртуке. Вместо головы у неё был медный фонарь с тремя стеклянными окошками.

Он был сделан с такой тщательностью, что на сюртуке можно было различить заплаты, на башмаках — сбитые носы, а на медной голове — крошечную царяпину. Не игрушка, а уменьшенный человек, которого вынудили притворяться игрушкой.

Фонарщик сделал два шага и упал лицом вниз.

Федя поднял его.

— Сломан.

У фигурки не хватало одной ноги ниже колена. В руке она держала длинный шест с тремя незажжёнными лампами.

Под макетом обнаружилась заводная ручка. Федя повернул её.

Внутри заиграла музыка.

Очень тихо, будто оркестр находился в соседнем сне.

Кукольная сцена осветилась. По ней проехали бумажные сани. В окнах появились люди. На башне часов стрелки поползли к двенадцати.

Фонарщик в руке Феи открыл одно стеклянное окошко.

— Не заводи, — произнёс он.

Федя уронил фигурку.

Она снова упала.

— Это ты? — спросила Мира.

— Я умею говорить без движения губ. Но не таким голосом.

Фонарщик сел и потёр медный затылок.

— Прекрасно. Сто тринадцать лет предупреждений — и наконец явились двое, способные сделать всё наоборот.

Внутри его головы загорелась слабая синяя точка. Она осветила края стекла, и на стенах заплясали тени полок. Все маски одновременно повернулись к нему.

Федя попятился.

— Ты живой?

— Временно.

— Как тебя зовут?

— Клин.

— Почему?

— Потому что мной подпирали декорацию.

Он посмотрел на партитуру.

— Вы сыграли ноту?

— Нет, — ответила Мира.

— Тогда ещё есть надежда.

Из зала донеслось начало музыки.

Оркестр снова дошёл до восьмого такта.

В пустом месте впервые прозвучал чистый металлический ми-бемоль.

Клин закрыл лицо руками.

— Надежда закончилась.

Глава пятая. Закрытые двери

В театре погас свет.

Не постепенно: только что за стеной спорили рабочие, гудели вентиляторы, скрипели тележки — и всё оборвалось. Остался звон аварийных ламп, зажигающихся по коридору одна за другой.

Темнота изменила размеры здания. Коридор вытянулся, потолок опустился, знакомые двери превратились в чёрные провалы. Из гримёрной донёсся женский вскрик, затем нервный смех. Где-то упала металлическая стойка и долго перекатывалась по полу, хотя коридор был ровным.

Мира прислушалась. Театр перестал дышать.

Клин вскочил.

— Сколько времени?

Федя посмотрел на телефон.

— Одиннадцать сорок две.

— Почему она прозвучала до полуночи?

— Мы не играли.

— Театр услышал вас. Иногда этого достаточно.

Мира выбежала из архива.

В коридоре уже кричал отец:

— Всем спокойно! Основной щит отключился. Дежурный свет работает.

Мама собирала артистов возле служебного выхода. Кто-то включил фонари телефонов. Снег с улицы бил в стеклянные двери, за которыми ничего не было видно.

— Мира! — Елена обняла её. — Где ты ходила?

— Я нашла партитуру.

— Какую партитуру?

— Той музыки. Там была нота, и она...

— Потом.

Слово прозвучало громче аварийной сирены.

Мира высвободилась.

Федя стоял за её спиной. Клину он спрятал под куртку.

— Семён уже ушёл? — спросил Алексей.

— Поехал к подстанции, — ответил администратор. — Сказал, Федя с ним.

Все посмотрели на мальчика.

— Я н-не с ним.

— Позвони отцу, — велел Алексей.

Связи не было.

Служебная дверь не открылась. Электронный замок оставался зелёным, но створки будто примерзли к раме. Мужчины навалились на них. Стекло дрожало, дверь не двигалась.

— Через главный вход, — сказала Елена.

В зале аварийные лампы не горели.

Сцена была освещена лунным светом, хотя окна находились за спиной у зрителей. Декорация зимней площади выглядела глубже, чем днём. За картонными домами двигались тени.

Люди пошли вдоль стены, подсвечивая путь телефонами.

В белых кругах света появлялись лица: загримированные старики с молодыми глазами, дети в париках, рабочие в касках, танцовщица с одной надетой пуантой. Без сцены они казались не группой, а пассажирами поезда, внезапно остановившегося в незнакомом месте.

Исполнитель главной роли пытался шутить. Никто не отвечал. Его голос быстро терял уверенность, как человек, идущий по тонкому льду.

В пятом ряду Мира увидела серые чехлы.

Теперь под каждым кто-то сидел.

— Мам.

— Не отставай.

Они прошли мимо первого кресла. Под тканью отчётливо проступал профиль человека. Мира протянула руку.

Чехол повернул голову к ней.

Она отдёрнула пальцы.

Из оркестровой ямы донёсся стук дирижёрской палочки.

Раз.

Два.

Три.

Инструменты сами взяли первую ноту.

Алексей прыгнул в яму и начал выдёргивать кабели из усилителей. Музыка продолжалась без электричества и музыкантов.

— Все на сцену! — крикнула Елена.

— Зачем на сцену?

— Там пожарный выход.

Труппа поднялась по боковым лестницам.

Когда последний человек покинул проход, серые зрители одновременно зааплодировали.

Через ткань.

Клин высунул голову из-под куртки Феди.

— Первый звонок, — сказал он. — Они заняли места.

Глава шестая. Тринадцатая нота

Пожарный выход за сценой оказался нарисованным.

Ещё час назад там была металлическая дверь с красной перекладиной. Теперь на кирпичной стене висел холст, изображавший ту же дверь. Алексей сорвал его.

За холстом находилась другая декорация — зимнее окно.

За окном шёл снег.

— Это невозможно, — сказал администратор.

Кто-то засмеялся. Смех получился коротким и слишком высоким.

Елена повернулась к актёрам:

— В гримёрные. Закрыться. Ничего не трогать.

— Почему вы командуете? — спросил исполнитель главной роли.

— Потому что больше никто не начал.

Люди разошлись. Через минуту театр наполнился хлопанием дверей.

Алексей ощупывал кирпичи.

— Здесь должен быть проём.

— Папа, послушай.

— Мира, отойди.

— Та музыка открывает театр.

— Этот театр уже открыт.

— Другой. Внутри.

Отец опустил руки.

На одну секунду она решила, что он действительно услышал.

— Ты испугалась, — сказал Алексей. — Я понимаю. Сейчас найду выход.

— Ты опять решаешь, что я чувствую.

— Не сейчас.

Эти два слова толкнули сильнее ладони.

Мира увидела себя со стороны: одиннадцатилетнюю девочку в куртке, слишком большой для сцены, среди взрослых, которые действительно старались всех спасти. Разумная Мира должна была отойти, не мешать и ждать. Но именно это она делала весь год — была разумной в каждом месте, где взрослым было некогда быть внимательными.

Из оркестровой ямы снова донёсся металлический звон.

Театр не просил её быть разумной.

Мира пошла к оркестровой яме.

— Куда ты? — крикнула мама.

Она не остановилась.

Старую челесту установили возле дирижёрского пульта для финала спектакля. Белые клавиши светились в темноте. На пюпитре лежала партитура, которую Мира оставила в архиве.

Клин выбрался из-под куртки и спрыгнул на край сцены.

— Если сыграешь, начнётся полностью.

— А если не сыграю?

— Уже началось. Только неправильно.

— Как правильно?

— Правильно не бывает. Бывает по сценарию и бывает живое.

— Очень полезно.

— Я предупреждал, что сломан.

За декорацией пробили часы.

Одиннадцать раз.

Потом двенадцатый.

До полуночи по телефону оставалось семь минут.

В театре часы торопились.

Стрелки на башне остановились вверху.

Мира положила палец на ми-бемоль.

Родители стояли у края сцены.

— Не трогай инструмент! — сказал отец.

— Сначала выслушай.

— Потом.

Мира нажала клавишу.

Тринадцатая нота была совсем тихой.

Но театр принял её, как пустой бокал принимает первую каплю.

Сразу после нажатия Мира захотела отдернуть палец, будто ещё могла вернуть звук в клавишу. Она оглянулась на родителей. На лице отца сначала появилось раздражение, потом страх. Мама бросилась к ней, и в этот короткий миг Мира поняла: сейчас её наконец заметили именно так, как она хотела.

Желание исполнилось.

От этого стало страшнее.

Звук поднялся к куполу, прошёл по балконам и вернулся умноженным. В нём появились колокольчики, деревянные удары, далёкие трубы, шорох сотен платьев.

Часы пробили тринадцать.

Декорационный снег полетел вверх.

Сцена накренилась.

Картонные дома выросли до потолка. Нарисованные окна открылись, и из них выглянули люди в белых масках. Луна поднялась из-за кулисы, стала огромной и холодной.

Родители Миры исчезли в золотом свете.

Пол под ногами превратился в заснеженную мостовую.

Клин сказал:

— Занавес поднят.

Глава седьмая. Город за кулисами

Театр стал городом, не перестав быть театром.

В небе висели софиты. Их лучи двигались вместо луны, освещая то одну улицу, то другую. Дома стояли фасадами к площади, а сзади поддерживались деревянными подпорками. За окнами кипела жизнь: люди ужинали, спорили, укладывали детей. Но стоило Мира обойти дом сбоку, как за стеной обнаруживалась пустота.

Снег падал квадратными хлопьями. Каждый таял ровно через минуту.

По площади ехали сани без лошадей. Извозчик держал вожжи, уходившие в воздух.

Над крышами двигались облака на колёсах. Когда одно зацепилось за шпиль, из-за дома выбежал рабочий в сером трико, приставил лестницу и подтолкнул облако шестом. Затем заметил детей, испуганно приложил палец к губам и нырнул обратно за фасад.

Из булочной тянуло корицей. На витрине лежали румяные пироги, но, если смотреть сбоку, они оказывались нарисованы на фанере. Настоящим был только запах — тёплый, голодный, не имеющий источника.

Мира сунула ладонь под квадратный снег. Хлопья не таяли, а складывались на коже ровной стопкой. На каждом была напечатана одна буква. Она собрала несколько: «Р», «О», «Л», «Б».

Девочка сдула их.

Федя включил рекордер.

— Ты серьёзно? — спросила Мира.

— Если мы исчезнем, останется запись.

— Кому?

— Тому, кто н-найдёт рекордер в животе чудовища.

— Очень успокаивает.

— Я старался.

Клин шёл впереди, постукивая деревянной ногой. Теперь он доходил Мира до колена. Медная голова-фонарь была погашена.

— Где мои родители?

— Получают костюмы.

— Верни их.

— Я фонарщик. Мои полномочия заканчиваются на освещении и ворчании.

— Кто может вернуть?

Клин указал на башню.

Там висела афиша:

СЕГОДНЯ И ТОЛЬКО СЕГОДНЯ

ТРИНАДЦАТЫЙ СПЕКТАКЛЬ

ГЛАВНАЯ РОЛЬ — МИРОСЛАВА ВОЛКОВА

Под буквами золотой краской появлялись новые строки:

Король Механики — Алексей Волков.

Королева Праздника — Елена Волкова.

Первый Голос — вакансия.

Федя прочитал последнюю строку и отвернулся.

На площади зазвонили колокольчики.

Жители остановились. Из карманов, муфт и рукавов они достали маленькие свитки. Одновременно развернули.

Над каждым появилась золотая реплика.

— Как прекрасен этот вечер, — произнесли все.

— Как прекрасен этот вечер, — повторили дети.

Клин толкнул Миру шестом.

— Говори.

— Что?

— Что угодно не по тексту.

Над головой Миры возникли слова:

КАК ПРЕКРАСЕН ЭТОТ ВЕЧЕР.

Все лица повернулись к ней.

— У вас снег похож на нарезанную бумагу, — сказала Мира.

Ближайший дом треснул сверху донизу. За красивым фасадом показались верёвки, балки и рабочая лестница.

Жители ахнули.

— Не по сценарию, — объяснил Клин. — Значит, живое.

На башне распахнулись двери.

Оттуда вышли часовые в мундирах, с заводными ключами между лопаток.

— Бежать? — спросил Федя.

— Наконец разумная реплика, — ответил Клин.

Глава восьмая. Директор выходит к рампе

Они не успели.

Время остановилось.

Снежинки зависли над площадью. Часовые замерли в середине шага. Федя стоял, подняв ногу, и медленно заваливался вперёд, но не падал.

По мостовой прошла женщина в платье из красного театрального занавеса. Тяжёлые складки тянулись за ней, сметая неподвижный снег. На голове возвышалась причёска в форме двух позолоченных лож.

Её лицо было красивым так, как бывают красивы старые афиши: слишком белая кожа, слишком тёмные брови, рот, заранее знающий нужную улыбку. Когда она проходила мимо замёрзших жителей, те едва заметно поворачивали к ней глаза. Всё остальное в них оставалось неподвижным.

— Антракт, — объявила она.

Звук её голоса пришёл раньше движения губ.

Клин снял воображаемую шляпу.

— Госпожа Антракт.

— Бракованный фонарь.

— Невыносимая штора.

Она улыбнулась.

— Вижу, столетие не улучшило твои манеры.

— А вас химчистка.

Госпожа Антракт перевела взгляд на детей.

— Почётные гости не должны бегать до начала представления.

— Где наши родители? — спросила Мира.

— В своих лучших ролях.

— Мы хотим уйти.

— Все зрители так говорят перед хорошим спектаклем. После — требуют продолжения.

Она хлопнула в ладоши.

Площадь исчезла.

Мира оказалась в огромном зрительном зале. Он напоминал «Северную звезду», только ярусы уходили вверх настолько высоко, что последние ложи растворялись среди облаков. В креслах сидели люди под серыми чехлами.

На сцене стоял один человек.

Высокий, тонкий, в чёрном фраке. Лицо закрывала гладкая фарфоровая маска без выражения. В руках он держал дирижёрскую палочку.

Мира ожидала от злодея грома, дыма или хотя бы неприятного смеха. Этот человек не старался напугать. Он просто ждал — спокойно и внимательно. Так внимательно на неё давно никто не смотрел.

Поэтому Мира сразу ему не поверила.

— Добрый вечер, Мирослава, — сказал он.

Голос был тёплым. Таким голосом читают сказку ребёнку, который уже почти заснул.

— Кто вы?

— Тот, кто слышал тебя.

— Вы Директор?

— Директор Тишины.

Он спустился со сцены. Публика под чехлами поворачивалась вслед за ним.

— Ты заметила пропавшую ноту, — продолжил он. — Ни музыканты, ни дирижёр, ни твои родители. Только ты.

Мира не ответила.

Ей хотелось ответить. В его словах было то самое признание, которого она требовала весь вечер. Он не называл её испуганной, не объяснял вместо неё, не просил потерпеть. Он точно сформулировал обиду и положил перед ней, как подарок.

Но хороший подарок не всегда означает доброго дарителя.

— Здесь никто не скажет тебе «потом». У главной героини всегда есть время для собственной реплики.

На сцене вспыхнул свет.

Там появились Алексей и Елена.

Отец был одет в серебряный мундир, украшенный шестерёнками. В руках держал ключ, способный завести целый дом. Мама носила белое платье, сотканное из снега и света. Они выглядели молодыми, спокойными и счастливыми.

— Мира, — сказала Елена. — Мы ждали только тебя.

Отец протянул руку.

— Теперь у нас всегда будет время.

Директор наклонился к Мире.

— Видишь? Я не отнял твою семью. Я исправил её.

Часть вторая. Идеальные роли

— ♦ —

Глава девятая. Фонарщик Клин

Елена сошла со сцены.

От её платья по полу расходился иней. Там, где серебряный подол касался ковра, расцветали ледяные цветы.

— Пойдём, — сказала она. — Мы приготовили твой дом.

Мира посмотрела в глаза матери.

Они были голубыми, хотя в настоящем мире — карими.

— Как ты меня называешь, когда сердишься?

Елена улыбнулась.

— Я никогда на тебя не сержусь.

— Неправда.

По маске Директора прошла тонкая трещина.

— Здесь это может стать правдой, — сказал он.

— Тогда это не мама.

Алексей опустил протянутую руку.

— Мирослава, не спорь с Директором.

Отец называл её полным именем, когда сердился. Но в этой фразе не было ни раздражения, ни усталости — только ровная учтивость.

Мира всмотрелась в него. Настоящий отец стоял неровно: переносил вес с ноги на ногу, щурил левый глаз, когда думал, и никогда не знал, куда деть руки без инструмента. Этот держался прямо, как линейка. Серебряный мундир не мялся на локтях. Даже улыбка была симметричной.

Всё, что раздражало Миру в отце, исчезло.

Вместе с отцом.

Мира отступила.

— Верните их настоящими.

— Настоящие люди причиняют друг другу боль, — мягко произнёс Директор. — Опаздывают, забывают обещания, говорят не те слова. Зачем хранить недостатки, если роль можно исполнить безупречно?

Федя рядом шевельнул губами:

— М-мы...

Над ним появилась золотая строка:

МЫ БЛАГОДАРИМ ДИРЕКТОРА.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.